

УДК 811.161.1+821.161.1

*Е. А. Суховой**(Новосибирский государственный педагогический университет)***МЕТАФОРА ДОМА В ПОВЕСТИ Л. А. КАССИЛЯ
«КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД**

В статье рассматриваются возможности не прямых (метафорических) языковых средств в реализации авторского замысла на примере метафорической трансформации образа дома как культурного кода в повести Л. Кассиля «Конduit и Швамбрения». Метафорические репрезентации образа дома анализируются с позиций русского языкового сознания, воплощенного в соответствующие культурные коды.

Ключевые слова: метафора, культурный код, авторский замысел, языковая картина мира, Л. Кассиль.

*Sukhovey E. A.***THE METAPHOR OF THE HOUSE IN THE STORY BY
L. A. KASSIL "CONDUIT AND SHWAMBRANIA"
AS A CULTURAL CODE**

The article discusses the possibility of indirect (metaphorical) linguistic resources in the implementation of the author's intention by the example of metaphorical transformation of the image in the story home Kassil "Conduit and Shvambrianiya". Metaphorical representations of the home are analyzed from the standpoint of the Russian language consciousness, embodied in the relevant cultural codes.

Keywords: metaphor, cultural code, author's idea, language picture of the world, L. Kassil.

Понимание феномена культурного кода как определенного набора образов, связанных с каким-либо комплексом стереотипов в сознании [1], позволяет рассматривать языковую метафору в качестве одного из способов поведенческого (а именно – вербального) проявления данного феномена.

В художественном произведении не прямые наименования (в частности, метафоры) часто позволяют выразить то, что по каким-либо причинам невозможно передать с помощью непосредственных, прямых высказываний, и воздействовать таким образом не на сознание читателя, а на «культурное бессознательное», проявляющееся в поведенческих (в том числе, речевых) реакциях.

Поэтому анализ образного строя художественного произведения помогает в наибольшей степени приблизиться

к пониманию авторского замысла. И при работе с художественным текстом важно научить читателя интерпретировать художественные образы, соотнося их с ценностными ориентирами языковой картины мира своего народа, его культурными кодами.

В данной статье мы рассмотрим, как трансформируется метафорический образ дома в повести Л. Кассиля «Конduit и Швамбрения».

В первой части повести (начало XX века, дореволюционный период жизни персонажей) дом описывается через развернутую метафору «корабля в тихой гавани»: «*Наш дом – тоже большой пароход. Дом бросил якорь в тихой гавани Покровской слободы. Папин врачебный кабинет – капитанский мостик. Вход пассажирам второго класса, то есть нам, запрещен. Гостиная – рубка первого класса.*

В столовой – кают-компания. Терраса – открытая палуба. Комната Аннушки и кухня – третий класс, трюм, машинное отделение. Вход пассажирам второго класса сюда тоже запрещен. А жаль... Там настоящий дым. Труба не «как будто», а настоящая. Топка гудит подлинным огнем. Аннушка, кочегар и машинист, шурует кочергой и ухватами. Из рубки требовательно звонят. Самовар дает отходный свисток. Самовар бежит, но Аннушка ловит его и несет, плененного, в кают-компанию».

Эта метафора включена в более общую метафору мира, отражающую детское видение жизни: «Вообще мир для нас – это бухта, заставленная пароходами, жизнь – сплошная навигация, каждый день – рейс».

Дети, выросшие на берегу огромной судоходной реки Волги, представляют весь мир, который пока им не знаком, аналогичным тому миру, в котором проходит их жизнь. Близким и окружающим их людям они приписывают роли членов экипажа, причем роли эти соответствуют значимости данного человека или его социальной роли: так, отец – это капитан (глава, посвященная отцу, так и называется – «Домашний капитан»), метафора основана на признаке «главенствование»), кухарка Аннушка – кочегар и машинист (метафора по сходству действия, на это есть отсылка в тексте – «шурует кочергой»), люди, приходящие на кухню, – «пассажиры третьего класса» (метафора по признаку «социальный статус») и др.

Части дома также получают свои метафорические корабельные названия в соответствии с их функциональной отнесенностью: детская спальная комната – *каюта*, кабинет отца – *капитанский мостик*, столовая – *кают-компания*, терраса – *палуба* и т. д.

Образ корабля в тихой гавани в рус-

ском языковом сознании ассоциируется со спокойствием, миром, защищенностью, надежностью, незыблемостью жизни. Ярким тому примером могут служить строки стихотворения А. Блока «Девушка пела в церковном хоре...»:

Девушка пела в церковном хоре
 О всех усталых в чужом краю,
 О всех кораблях, ушедших в море,
 О всех, забывших радость свою. <...>
 И всем казалось, что радость будет,
 Что в тихой заводи все корабли,
 Что на чужбине усталые люди
 Светлую жизнь себе обрели.

Видим, что у А. Блока образ ушедших в море кораблей вызывает представление об усталости, забытой радости. Корабли же «в тихой заводи» связываются со «светлой жизнью». Так и читатель повести Л. А. Кассиля через данный культурный код воспринимает изображение жизни семьи как благополучное, безмятежное, безопасное.

Во второй части, описывающей глобальные изменения жизни (первая мировая война, революция, переезды школы из одного здания в другое) изменяется и детское восприятие дома.

Сначала он предстает в образе надежной непоколебимой оси, центра мира: «*центробежные силы ничего не могли поделатъ с нашим домом. Он непоколебимо оставался надежной осью всей жизни. Все остальное, казалось нам, вертится вокруг него большой опасной каруселью*».

Но с возникновением необходимости вынужденного переезда образ дома теряет свою устойчивость: «*Мы увидели, что центр мира сместился. Историю заказывали не в нашей квартире. Вероятно, в таком положении оказались современники Коперника. Они привыкли считать, что человек – соль Вселенной, а Земля – пуп мироздания, а оказалось, что Земля – крупинка среди тысячи подобных. Подчиняясь взне-*

ным силам, она ходит вокруг Солнца».

В сценах переезда домашняя утварь, а затем новая квартира описываются через метафоры холода и смерти: *«мама героически шагала в голове каравана. Она шла за передним возом, усталая и безрадостная, словно вдова за гробом. В руках ее был поминальный список вещей»; «Новая квартира встретила нас холодно и гулко».*

Затем, когда в комнаты квартиры подселают комиссара, военного, размещают комиссию по борьбе с дезертирством, дом изображается через метафоры проходного, сквозного, уличного пространства: *«Посторонние люди входили и выходили через все двери, и все они казались знакомыми и подходящими для знакомства. Мама привыкла к сквознякам. Сквозняк стягивал в окна красные флаги. Дом стал сквозным. Коридор квартиры стал как бы рукавом улицы. Калитки почему-то игнорировались. Чтобы пройти с улицы во двор, люди шагали прямо через квартиру».*

Образ сквозняка в русском языковом сознании ассоциируется с одной стороны, с переменами и обновлением, а с другой стороны – с опустошением, выхолащиванием некоего содержимого (или содержания) (ср. у Л. Рубальской «не ветер перемен, а просто сквозняки...», у Э. Асадова «Теперь в карманах сквозняки гуляют, И целый длинный месяц впереди» у И. Лазарева «Сквозняки со свистом

дули, Странный сон меня морочил И, ворочаясь в постели от автобусных гудков, Я проснулся среди ночи И нечаянно подумал: « Может, кто живой остался в государстве сквозняков?»). К тому же не случайно в начале повести мы читаем, что *«мама боялась сквозняков и закрывала форточки»*, т. е. мама пыталась защитить, сохранить дом в его первоначальном незыблемом состоянии.

В повести Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» непрямые, метафорические наименования вступают в диссонанс с тем содержанием, которое передано прямыми наименованиями и оценками. Так, автор пишет, что их не устраивал старый уклад жизни, что все социальные изменения они принимали с радостью, пониманием и энтузиазмом. Но метафорическая трансформация образа дома от корабля в тихой гавани и устойчивой мировой оси до проходного двора, где «хозяйничают» сквозняки, заставляет усомниться в искренности прямых высказываний и наводит на мысль о вынужденном соблюдении писателем конъюнктурных требований времени, когда сожаления о «буржуазном» прошлом не просто не приветствовались – они сурово карались. И выразить свое истинное отношение можно было только иносказательно, метафорически, апеллируя к культурному коду читателя.

Список литературы

1. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М: Вече, 2003. 512 с.